

Владимірскій сборникъ въ память 950-лѣтія крещенія Руси. Бѣлградъ, 1939.

Сборникъ этотъ состоитъ изъ статей различныхъ категорій. Это, во-первыхъ, изслѣдованія по вопросамъ спеціальнаго свойства (Д. А. Расовскій, Русь и кочевники въ эпоху св. Вл.; проф. Розовъ, Личность Вл. Св. въ русск. литературѣ, проф. Федотовъ, Канонизація св. Вл.; И. Н. Окунева, Изображенія св. Вл.; проф. Соловьева, Вл. Св. въ изображеніи польскаго историка XVI в.; К. Н. Николаевъ, Памятники эпохи св. Вл. на Вольни; А. А. Никольскій, Начало храмостроительства на Руси). Во-вторыхъ, статьи болѣе общаго историческаго характера, проливающія свѣтъ на пути проникновенія христіанства въ Россію, на связь между религіознымъ и политическимъ развитіемъ Кіевской Руси, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на ея мѣсто въ тогдашнемъ христіанскомъ мірѣ. Такъ, напр., проф. Острогорскій (Вл. Св. и Византія) отмѣчаетъ, какое значеніе имѣлъ для Византіи X в. союзъ съ Кіевской Русью: русско-варяжскія дружины оказывали военную помощь византійскимъ царямъ; этимъ объясняется тотъ исключительный шагъ, на который рѣшился царь Василій II — выдать замужъ за «варяга»-Владимира свою сестру. Въ статьѣ проф. Грабара (Крещеніе Руси въ ист. Искусства) процессъ проникновенія христіанскаго искусства въ Россію (гл. об. византійскаго, а также отчасти и Западнаго) прослѣженъ, какъ одинъ изъ аспектовъ общаго процесса храмостроительства, съ особенной силой развивающагося во всемъ христіанскомъ мірѣ съ XI в., въ связи съ религіознымъ подъемомъ и съ усиленіемъ миссіонерской дѣятельности. (Чрезвычайно цѣнныя его замѣчанія о различіи пониманія религіозной функціи искусства у латинскихъ и вост.-православныхъ миссіонеровъ той эпохи). Л. М. Сухотинъ («Брачные союзы ближайшихъ потомковъ св. кн. Владиміра») собралъ множество данныхъ объ этихъ союзахъ русскихъ князей и княженъ съ иноземными князьями и князьями, показавъ связь между тѣмъ, гдѣ въ той или иной моментъ русскія династїи искали для своихъ членовъ жемчужинъ и невестъ, съ различными оріентаціями той «оск., вокругъ которой складывалось первоначальное русское государство»: сперва — с Сѣвера на Югъ, позже — съ Востока на Западъ. Очень интересно изслѣдованіе проф. бар. Таубе, «Родовой знакъ семьи Вл. Св.», гдѣ авторъ не ограничивается разрѣшеніемъ (повидимому окончателънымъ) сложнаго и спорнаго вопроса о происхожденіи и первоначальномъ «смыслѣ» этого знака, «трезубца», встрѣчающагося во множествѣ на монетахъ и др. археологическихъ памятникахъ (знакъ этотъ не «іероглифъ», а просто геометрической орнаментъ, имѣвшій сперва магической характеръ; появился сперва въ Скандинавіи), но также отмѣчаетъ значеніе этого знака въ общественномъ и государственномъ бытѣ Руси: его всеобщее употребленіе указываетъ на силу сознанія династическаго единства, а также единства «Земли Русской; тотъ-же фактъ, что онъ былъ въ употребленіи также и внѣ предѣловъ земель рюрикова дома, въ «лимитрофахъ», указываетъ на культурное единство варяго-русскаго міра. Особнякомъ стоятъ статьи проф. Карташева о національно-культурномъ

значенія крещенія Руси и проф. Спекторскаго, «Своеобразіе крещенія Руси», — историко-философскаго характера (также — предисловіе митр. Анастасія). Оба автора отмѣчаютъ православный, въ нѣкоторомъ смыслѣ болѣе чистый христіанскій, обликъ всей русской культуры по сравненію съ западной. Проф. Спекторскій подчеркиваетъ при этомъ значеніе того, какъ было ужасно христіанство на Руси: волевымъ, — это «произошло безъ вишняго давленія и внутренней насилія», во-вторыхъ, это было «рѣшительнымъ разрывомъ съ языческимъ прошлымъ». Проф. Карташевъ держится сходнаго взгляда. Къ сожалѣнію, ни тотъ ни другой авторъ не остановился надъ вопросомъ: почему христіанизация Россіи произошла именно такъ? Думается, потому, что у русскихъ славянъ (т. е. большинства населенія) еще не было тогда собственной языческой вѣры, со сколько-нибудь разработаннымъ культомъ, символикой и проч. Съ этой точки зрѣнія весьма цѣнна статья проф. Погодина, «Варяжскій періодъ въ жизни кн. Вл.», подъ чѣмъ онъ разумѣетъ періодъ, когда Владиміръ, до крещенія, пробовалъ опираться болѣе на варяжскіе элементы чѣмъ на славянскіе. Попытка «языческой реставраціи», о которой говоритъ лѣтопись, связана съ этимъ. Правда, авторъ другой, сходной по предмету, статьи, проф. Мошинъ, «Христіанство въ Россіи до св. Вл.», утверждаетъ, что эта реставрація была проявленіемъ не варяжской, а славянской ориентаціи Владиміра: «вѣдь воздвигнуты были идолы не норманскихъ, а славянскихъ боговъ». Однако, какъ разъ славянское происхожденіе этихъ боговъ оспаривается рядомъ современныхъ исследователей. Иные изъ нихъ были не норманскими, а, повидимому, финскими. Важно не это, а то, что, какъ отмѣтилъ проф. Погодинъ, культурныя особенности этой «реставраціи» (человѣческія жертвоприношенія) были свойственны именно скандинавамъ. Проф. Спекторскій придаетъ значеніе также и тому, что рѣшеніе кн. Владиміра креститься было результатомъ сознательнаго выбора. На дѣлѣ — сказаніе объ «испытаніи вѣры» — такъ наз. бродячая легенда. Есть въ сборникѣ еще одна статья, Б. Н. Сергѣевского, «Время Вл. Св.», посвященная вообще говоря, особому вопросу, а именно о томъ, каковъ былъ «духовный процессъ, приведшій Владиміра ко Христу». Оговариваясь, что здѣсь «приходится основываться лишь на догадкахъ», авторъ, въ качествѣ основной, выдвигаетъ ту, что Владиміръ былъ «дѣйствительнымъ сыномъ народа своей матери», т. е., что у него была русская душа, которой свойственно отъ «глубокихъ паденій» переходить ко «взлетамъ на горнія высоты». Въ этомъ вкусѣ написана вся статья. Завершается сборникъ длинной (4 стр.) «Балладой о быломъ» Г. Гребенщикова. Вотъ наудачу одна изъ ея строфъ:

И вѣтры Сѣвера вздуваютъ домотканыхъ,
Цвѣтистыхъ ларусовъ крутяя груди.
.. Какъ стаю лебедей въ лазури первозданной,
Ведутъ флотилію Садковы люди.

Эта примѣсь «юбилейщины» въ такомъ серьезномъ и строго-научномъ сборникѣ только портитъ общее впечатлѣніе. П. Бицилли.